

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.018.1:82-93
ББК 4492.64

ГСНТИ 14.35.09

Код ВАК 13.00.02

Барковская Нина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru

РОЛЬ ДЕТСКОЙ КНИГИ В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейное чтение; детская поэзия; Моравская; Яснов; Умка; речевая игра.

АННОТАЦИЯ. Формирование культуры чтения – важная составляющая психологического и интеллектуального развития личности ребенка. Кроме того, это процесс, создающий условия для установления благоприятной атмосферы творческого содружества в семье. Сегодня наблюдается противоречие между активно развивающейся отечественной литературой для детей и невостребованностью ее взрослыми, формирующими круг детского чтения. Одной из причин такого несоответствия, по мнению автора статьи, является недостаточное внимание взрослых к художественной специфике детских произведений. Этическое содержание воплощается писателями в особой, условной и игровой форме. Для анализа выбраны недавно изданные книги стихов, принципиально разные по эстетическим и стилевым установкам авторов. Анализируются разные типы детских книг: переиздание забытого поэта (М. Моравская), игровой проект взрослого автора (Умка), книга для малышей (Яснов). Делается вывод о том, что современные детские книги стихов двухадресны (объединяют в процессе чтения детей и взрослых) и полифункциональны: развлекают, поучают, расширяют кругозор, развивают фантазию, создают картину современного общества и его культуры.

Barkovskaya Nina Vladimirovna,

Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

THE ROLE OF CHILDREN'S BOOKS IN FAMILY EDUCATION

KEY WORDS: family education; children's poetry; Moravskaya; Yasnov; Umka; speech game.

ABSTRACT. The formation of reading culture is an important component of psychological and intellectual growth of the child. What is more, it is a process creating conditions for the establishment of a positive atmosphere of creative collaboration in the family. Today, there is a contradiction between the rapidly growing home literature for children and its underestimation by adults, who form the range of children's reading. One of the reasons for this discrepancy, according to the author, is the lack of attention of adults to the artistic aspect of children's books. The ethical content is presented by writers in a specific conventional form and games. The article analyzes recently published books of poems, fundamentally heterogeneous in aesthetic and stylistic beliefs of their authors. Different types of children's books have been chosen: reissue of a forgotten poet (M. Moravskaya), game project of an adult author (Umka), as well as a book for kids (Yasnov). It is concluded that modern children's books of poetry have two addressees (they unite children and adults in the process of reading) and are multifunctional: they entertain, teach, broaden the scope of interests and develop imagination, as well as create a picture of the modern society and its culture.

В современной книжной культуре сложилась парадоксальная ситуация: детская литература активно развивается, есть специализированные издательства, премии, журналы и сайты, но налицо и отчуждение детей от чтения. Комплекс социальных, психологических, культурных причин данного явления очень сложный, но, безусловно, велика роль взрослых: именно они должны приобщить ребенка к чтению и, в частности, к книгам современных детских писателей. Однако, по данным издательства «РОСМЭН», сегодня только 20% опубликованных детских книг приходится на современных авторов, и только их пятая часть (4%) – на произведения современных российских писателей [цит. по: 4, с. 8]. Замечательные, интересные, мастерски напи-

санные книги не доходят до своего читателя, и не только потому, что на это не нацелен книжный рынок. Как отмечает Анастасия Губайдуллина, сами взрослые не доверяют новым авторам, предпочитая классику, книги времен своего детства [3, с. 8]. Разнообразные художественные стратегии в современной детской литературе мало известны большинству родителей (хотя книжной навигацией активно занимаются библиотеки; отметим замечательный библиографический справочник «Живые лица. Навигатор по современной отечественной детской литературе»). Но дело не только в плохой информированности. Гораздо важнее психологический барьер: многие родители предпочитают давать ребенку классику, полагая, что современные книги не все-

гда выдерживают четкие этические критерии, касаются острых социальных проблем, заставляют детей слишком рано взрослеть. Проблема границы между «детской» и «взрослой» литературой существует, ей был посвящен, например, один из выпусков журнала «Октябрь» (№ 9 за 2013 г.). Социологи, психологи, культурологи отмечают изменяющийся характер современной семьи [11], имеющий разрыв между культурным опытом поколений [8]. Тем не менее, все чаще в качестве положительного процесса отмечают формирование не авторитарного, а демократического стиля в семейных отношениях, «новое отцовство» и даже «новую зрелость», предполагающую сохранение у взрослого человека качества «юности» (в негативном варианте – инфантильности) как личностной доминанты [2].

Незаменимость практики чтения как важнейшего механизма формирования полноценной личности не отрицает никто. Современные авторы, пишущие для детей, при всех инновационных приемах и темах, сохраняют важнейшие ценности: доброту, сострадание, чувство ответственности, любовь и дружбу. Но детская литература – не просто дидактический материал, это часть литературы как искусства слова. Читая ребенку книгу, необходимо представлять особенности жанра и стиля, особого рода художественную условность, помнить, что сюжет – не «фотография» с действительности. Далее мы представим несколько поэтических книг для детей, опубликованных в последние годы; наша задача – показать специфические художественные принципы, которые лежат в основе творческого процесса и которыми, в свою очередь, диктуются особенности читательского восприятия. Выбраны три типа книг: переиздание поэта начала XX в., книга для взрослых, выдержанная в детской стилистике, книга современного детского поэта, адресованная ребенку. Все три типа книг, как мы убеждены, рассчитаны на совместное чтение ребенком и взрослым (за исключением, может быть, книг второго типа). Такого рода книги формируют диалог поколений, причем, не только ребенок должен прислушаться к тому, о чем говорит ему взрослый, но взрослый должен прислушаться к ребенку, посмотреть на мир с его точки зрения.

«Ап. корки» Ксени Моравской:

«возвращенная литература» для детей

При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной программы «Культура России» в 2012 г. издательство «Август» выпустило книгу стихов Марии Моравской «Апельсиновые корки». Мария Моравская (1889-1947) – поэтесса Серебряного века,

входившая в Цех поэтов, получившая высокие оценки З. Гиппиус и М. Волошина, сотрудничавшая с детскими журналами «Галчонок» и «Тропинка». В 1917 г. она уехала в Японию, потом в Америку. Ее трудная жизнь закончилась в Майами (США). Творчество Моравской не было известно современным маленьким читателям, так что изданную книгу стихов можно причислить к так называемой «возвращенной литературе». Считается, что именно Моравская положила начало новой поэзии для детей, ее линия была продолжена Чуковским, Маршак, Барто. Михаил Яснов пишет в рецензии: «Выход этой книги стихотворений для детей Марии Моравской кажется мне весьма своевременным: в истории нашей детской поэзии еще остаются белые пятна, и, в частности, Моравской еще предстоит занять подобающее ей место в иерархии основателей и первооткрывателей детской литературы XX века» [17]. Мария Моравская писала не просто о детях и для детей, она писала от лица ребенка, тонко проникая в детскую психологию, не подстраиваясь и не «сюсюкая».

Книга «Апельсиновые корки» впервые была издана в 1914 г. и была любимой книгой Моравской. В нынешней книге (составитель М. Е. Вайсман, художник А. В. Дубровский) 21 стихотворение, деления на разделы нет, но тематически можно выделить несколько групп. Сначала помещены стихотворения, где герой-ребенок обижен (тем, что его оставили надолго одного), он хотел бы убежать в дальние страны (но решает все-таки остаться дома, поскольку в Африке нет катка, мамы, братика и котенка), скучает на даче из-за дождливой погоды. Тут же помещены стихотворения, развивающие тему бегства («Беглец»: мальчика Гришу, бежавшего в Америку, нашли на Приморском бульваре, ругали, но сестра вышивает ему закладку со словами «Герою, попавшему в неволю») и домашнего питомца («Хочу котенка»: ребенок отказывается от игрушек, требуя: «Уберите все долой, / дайте мне котенка!»). Герои Моравской вовсе не пайныки, например, игравший в индейцев мальчик стрелял из лука «в буйвола», случайно попал в барышню, его заперли в детской, но он намерен убежать в сад через окно: «пусть бранят». Затем следуют несколько стихотворений, посвященных летним играм у реки или пруда, причем «собеседниками» и «зрителями» становятся ляблики, лягушки, шмели и жучки. Следующая группа текстов – о животных: ослике, щенке, сове. Как правило, «лирическим героем» оказывается само животное, стихотворение передает его чувства, его точку зрения на мир. Так, например, стихотворение «Покинутый» является «мяг-

кой» параллелью к очень жесткому рассказу Л. Андреева «Кусака»: бесприютной осенью, под дождем, у заколоченной дачи щенок: «И вот сижу на мостике, / с росинками на хвостике / и вою на луну: у-у-у!» [7, с. 31]. Можно отметить, что пунктирно прослеживается смена времен года: лето, осень, зима и весна, преддверие нового лета, а попутно – взросление ребенка, от маленького мальчика в первом стихотворении до гимназиста, уже не переживающего, что его оставили одного дома, но мечтающего о летних играх и шалостях с друзьями, Шуркой и Колькой. Таким образом, композиция книги подчинена природному циклу, естественному течению времени, создавая ощущение надежного мира, открытого в будущее. Поразительно, ведь книга написана накануне Первой мировой войны!

Не только детское свободолобие и жалость к «меньшим братьям» составляют содержание стихов Моравской. Современным детям книга будет интересна непосредственным погружением в прошлое, в историю страны, показанную «домашним образом». Так, например, стихотворение «Больной» [7, с. 47] потребует исторического комментария взрослого, т. к. бытовые реалии, церковные праздники и обычаи, «колбаски» и «змеи с цветными хвостами», «шашки из березы карельской» могут быть непонятны детям начала XXI в.

Больной

*Я заболел на Вербной неделе
и все лежу и читаю сказки.
И без меня свистульки свистели
и раздувались «колбаски для Пасхи».
Товарищ-Петька возился со мной –
принес мне шашки из березы карельской,
но мне хотелось бы пойти в Лесной,
понюхать елки и воздух апрельский...
Петькины змеи с длинными хвостами
плавают в небе, веселом и чистом.
И мне завидно: подумайте сами –
быстрые змеи с цветными хвостами...
И я бы плакал горькими слезами,
если бы не был большим гимназистом.*

Отметим также, что в этом стихотворении не использован силлабо-тонический метр, трехударный дольник передает напряженную интонацию мальчика, готового расплакаться.

Завершающее книгу стихотворение «Мечты перед экзаменами» содержит краткий «дайджест» гимназического курса начала XX в., и детям будет любопытно сравнить с теми знаниями, которые сейчас получают они в школе, готовясь к сдаче ЕГЭ.

*В блаженном шоне, окончив труды,
мы скинем тяжелые ранцы
и будем свободны, смелы и горды,
как в древности были германцы.*

*Поедем в деревню – я, Шурка и Коля, –
и будет веселье и вольная воля.*

<...>

*Пока же мы дружно засядем зубрить,
не будем томиться, браниться и ныть,
отзубрим, как Генрих стучался в Каноссу,
где Перу, где Чили, кто был Барбаросса,
чем крыса, букашка и серна живет,
какой и куда направлялся народ, –
быть может, судьба нас от двоек спасет* [7, с. 49].

Широкие волны четырехстопного амфибрахия, с четким мужским окончанием каждой строки, преобладание парной рифмовки создают энергичную интонацию и эффект «глубокого дыхания». Каникулы непременно будут, все трудности будут преодолены, счастье обязательно будет. Таким образом, хотя стихотворение написано не без легкой иронии, оно очень оптимистично и позитивно.

Иллюстрации, выполненные А. В. Дубровским, удачно дополняют стихотворения: сделанные восковым карандашом, они напоминают детский рисунок. Вместе с тем, иллюстрации адресованы современным детям, вносят дополнительные нюансы в смысл, непосредственно содержащий в стихотворении, нередко – ироничны. Так, например, стихотворение «Сова» («я – охотник лесной, / я не стану ручной, / буду злой, буду злой, – / я – сова») сопровождается иллюстрацией, на которой бабушка в круглых очках вглядывается в свое отражение в зеркале. Картинка к стихотворению «Первое купание» (про трусливых утят) изображает детишек в лагере на берегу моря, у каждого в руках спасательный круг, вожатая, стоя к детям лицом, произносит какое-то наставление, подбадривает их, как мама-утка.

Книга содержит, помимо собственно стихотворений, еще и «Автобиографию», написанную Моравской для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, причем указано, что материал предоставлен ИРЛИ (Пушкинский дом). В автобиографии сообщаются не только факты жизни автора, но и перечень изданных книг, некоторые отзывы критики, отмечено влияние польских символистов, а затем акмеистов. Тем самым, ребенок получает (пусть даже в пересказе родителя) первое представление о литературе как части культуры общества, о том, что окружает произведение: критика, словари и указатели, филологические изыскания. Завершает книгу небольшой очерк жизни и творчества Марии Моравской, написанный Марией Вайсман и озаглавленный «Городская Золушка». Рассказ о необычной, трудной и, наверно, все равно счастливой жизни писательницы еще раз перенесет юного читателя в начало XX столетия, с

войнами, эмиграцией, перипетиями личных судеб, заставит задуматься над тем, что же помогало людям выдержать все испытания, не поступившись личным достоинством. С карандашного портрета на нас смотрит очень красивая молодая женщина с четким профилем и глубоким взглядом. Книга интересна не только малышам, но и читателям более старшего возраста, не случайно указано, что издание «не подлежит маркировке знаком информационной продукции согласно Федеральному закону № 436 от 29.12.2010 как «информационная продукция, имеющая историческую, художественную или иную культурную ценность для общества»».

Если книга стихов Марии Моравской, прошедшей акмеистскую выучку, доносит до нас «тоску по мировой культуре», то книга Умки (Ани Герасимовой) наследует традиции авангарда 20-30-х гг., актуализировавшихся в литературе андеграунда и, отчасти, в поэзии периода «оттепели». Сознательно вставая на детскую «территорию», Умка оппозиционна обществу потребления, подчеркивает элементы абсурда в настоящем.

*Книги для взрослых, оставшихся детьми: Умка (Аня Герасимова)
«Стишки для детей и дураков»*

Анна Герасимова известна с 1980-х гг. как рок-певица (Умка), но она, кроме того, поэт, литературовед, переводчик (с литовского; ею переведен также роман Дж. Керуака «Бродяги дхармы»). Она закончила с отличием Литературный институт, защитила диссертацию по творчеству обэриутов. В 2009 – 2012 гг. подготовила к изданию полное собрание сочинений Александра Введенского «Все» (ОГИ, 2010) и собрание стихотворений Константина Вагинова «Песня слов» (ОГИ, 2012).

Сама Анна рассказывает о своем увлечении «хипповской тусовкой», но затем на достаточно продолжительный срок ей пришлось отойти от этой среды, вести вполне «нормальный» образ жизни: переводить, выступать на конференциях, готовить издания обэриутов... Но с середины 1990-х гг. она полностью отдалась музыке и сейшенам на сквотах, у метро, в Доме инвалидов и прочих неофициальных местах, сторонясь московской клубной жизни, «оторвалась и побежала», как она сама характеризует свое состояние строчкой из пьесы «Елизавета Бам» Хармса. «Юношеская любовь к рок-н-роллу и культуре битников и хиппи вдруг проснулась в умной женщине, филологе со степенью и специалисте по обэриутам, отягощенной различными обязательствами», – пишет Денис Бояринов [1].

Для Умки характерна независимая позиция, она сторонится партий, считает, что политику нужно просто игнорировать. В

том же интервью она говорит, что «в нынешней драке правых нет. Власть не бывает хорошей. Война не бывает справедливой. Это войны денег с деньгами за деньги, а нормальные люди страдают, вот и все». Умка остается верной традициям шестидесятников, это ее личная позиция, она никого ни к чему не призывает, а себя считает счастливым человеком.

Так в жизненном сценарии просматривается «детскость»: нежелание постоянной и рутинной «человеческой» работы, любовь к путешествиям и празднику, который «всегда с тобой», детское же бесстрашие, уверенность в том, что в большинстве своем люди добры и всегда помогут.

Выпущенная издательством «ОГИ» в 2012 г. книга Герасимовой «Стишки для детей и дураков» явно рассчитана на веселое дурачество и «свой» круг. Уже уменьшительно-пренебрежительная форма названия книги, о котором сообщается в аннотации, что оно «беззастенчиво позаимствовано» у Хармса, а также «детское» имя автора (псевдоним отсылает к известному мультфильму, повествующему о том, как медвежонок искал маму, подлинное имя автора указано в скобках, причем «Аня», а не «Анна»), яркие и вполне абсурдистские иллюстрации («уникальные»), выполненные «крупной художницей» Кристиной Радовой – все это настраивает на несерьезный, игровой лад, в духе детских стихов того же Хармса. «Дураки» – не те, кто поучают, как нужно жить, а те, кто просто живут, получая от этого удовольствие. По ассоциации можно вспомнить декларацию Бальмонта: «Я ведь только облачко. Видите: плыву. / И зову мечтателей... Вас я не зову!» или идею «заумного» (сверхразумного) языка свободных ассоциаций Крученых-Хлебникова. Но, конечно, ближе всего Умке Хармс и Введенский. Сама Умка говорит: «К сожалению, 95% людей – дураки. Я раньше думала, что 70. Но это ничего. Они, во-первых, симпатичные, а во-вторых, их же можно переубедить, они, в отличие от умных, не упертые» [15].

Книга «Стишки для детей и дураков» не делится на разделы, тексты следуют один за другим, т. е. книга рассчитана на прочтение (взрослым) целиком, за один раз. Тем не менее, стихотворение-пролог и стихотворение-эпилог отчетливо выражены. В первом стихотворении в книге «Пока цветочки не пожухли...» формулируется кредо автора: он продолжит славную традицию «кавалергардов», чей «век не долгов», авангарда и Игоря Северянина, «лирического ироника»:

<...>

*Но авангарда век недолог
Советский кончился союз*

*И я при виде книжных полок
Зеваю и плююсь*

*Ни ветерка над мертвой зыбью,
И сети праздные легки,
Но как сверкают на безрыбье
Мои стишки!* [16, с. 5]

Героиня книги вовсе не претендует на то, чтобы ее «стишки» считались высокой поэзией, более того, она называет себя «переводчиком». Наверное, не только потому, что переводит на русский язык иноязычные произведения, но и потому, что «переводит» дискурс «высокого модернизма» на наш современный язык, не дает прерваться культурной традиции.

Тема с вариациями

*Я не поэт, я переводчик.
Я в куче запятых и точек
Чужие букровки ищю.
Я сыновей чужих и дочек
В своем детсадишке ращу.*

<...>

*Я не поэт, я переводчик,
Не гений, не первопроходчик,
Не мной построен пароход.
Не мной Америка открыта,
Но гордое мое корыто
В мою Америку плывет* [16, с. 35].

Свой голос Умка уподобляет не соловью, а воробьиному чириканью, учитывая, что «слово – не воробей», она призывает не шуметь, а протянуть руку и дожидаться, пока слово само сядет на ладонь [16, с. 34]. Очевидна полемика с гордым пушкинским поэтом-пророком: воробей – не шестикрылый серафим. Ироническим «памятником» является стихотворение «Привет пошлою я, став старухой...», где героиня уверяет, что будет «любезна» не «народу», а «мужам ученым и мадам», когда издаст на старости лет свои дневники – а не стихи! – поскольку интересен ее опыт жизнотворчества, постоянного перформанса, тип поведения.

Умка ориентируется на хорошо известные песенные мелодии или хрестоматийные строки классических поэтов («У женщины-писателя бывает / Короткая, но длинная пора...»), свободно контаминирует их, сохраняя рифму и силлабо-тонику, но обязательно иронически остраивает. При этом ее стихи – не постмодернистская деконструкция, она четко заявляет свою позицию, подводя итог в финальном тексте:

WITHOUT A NET

*Мы работаем без страховки
Мы работаем без налоговой
И не то чтоб такие ловкие –
Просто хочется, чтоб не трогали
Просто тот, кто однажды сдался,
Каждый раз потом и ведется
Мы обходимся без государства –*

И оно без нас обойдется [16, с. 63].

Позиция героини и людей ее круга – сознательно выбранная маргинальность, и в этом тоже можно усмотреть некую «детскость» (хотя страховка на детей и оформляется, но перед налоговой они не отчитываются, не имея собственных доходов). Деньги не представляют ценности для героини книги, она, как Настасья Филипповна, и провоцирует окружающих на скандал, и демонстрирует свою безытность:

*Деньги можно подарить
Деньги можно потерять
Деньги можно прокурить
Деньги можно прокурить
Можно их закинуть в речку
И проездить на такси
А можно просто бросить в печку
Как ведется на Руси* [16, с. 19].

Сама форма данного стихотворения облегченная: первые четыре строки отличаются только рифмующимися глаголами, почти идентичными по смыслу, во второй половине текста банальная рифма «речка-свечка» выделяет по контрасту необычное сочетание «такси – на Руси».

Байрон, Манделштам, Заболоцкий, Ахматова, Пастернак, некоторые интонации Маяковского, Горький-романтик так или иначе присутствуют в ассоциативном поле книги, как и идущая от немецких романтиков анти-буржуазность, ирония, демонстрирующая свободу от потребительского рынка, от города, в котором разыгрывается «восстание вещей, бессовестно дешевых» посреди метастаз «рака избытия»:

*... Петрополь умирал в прекрасной
нищете,
В дешевой роскоши издохнет град
престольный...* [16, с. 29].

Последнюю треть объема книги занимает «несобранный» цикл про Буратино, Пьеро и Мальвину, такая маленькая комедия дель арте на «сцене» книги стихов. Первое стихотворение кончается строками: «Много на свете таких буратин / В ночь полнолуния каждый – один» [16, с. 39]. Действие разворачивается в городе с наклонной башней – это Пиза, но в первой строке дана аллюзия к Манделштаму: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»; кроме того, башня, «вечно падающая, но стабильная», воспринимается как символ империи накануне затянувшегося апокалипсиса. Затем идет стихотворение, где Мальвина уговаривает старого хиппи Буратино жениться на ней и зажечь нормальной жизнью. Но Буратино не соглашается, предпочитая свой нищий, но независимый образ жизни. В следующем стихотворении, написанном на мотив Окуджавы («Виноградную косточку в теплую землю за-

рою...»), лирический субъект одновременно и Буратино, и героиня книги Умки: три несчастных копейки нужно зарыть в землю («зарыть талант»), чтобы вырастить «золотое руно» (привет Андрею Белому!) своего детства. Стихотворение «Про любовь, пожалуйста» передает скандальную историю про измены мужу, ссоры и склоки (отдаленно напоминающие и блоковский «Балаганчик», и его биографическую подоснову), но финал – в зоне сознания человека «нашего времени»:

*Так и водят они хоровод привычный –
Деревянная кукла и две тряпичных,
Позабыли страшного с бородой.*

*Мы о них зачем-то все больше знаем,
И несется кругами с веселым лаем
Черный пудель, почти седой [16, с. 47].*

Следующее стихотворение – в зоне сознания Буратино: папа Карло когда-то любил актрису, сохранилась ее «фотка», Буратино говорит по мобильному телефону с Чиполлино, жалуется, что не дали визу в Америку, летний вечер, скука. Следующий текст представляет собой монолог Буратино, завязнувшего в мировой паутине – интернете. Затем два стихотворения повествуют об Арлекине, шагающем по Нью-Йорку, ему скучно, зато нет «лишних мыслей», и так жить «проще», а затем он просит Мальвину позвонить ему по скайпу, рассказать новости про Пьеро, Буратино и прочее. Как видим, эта группа стихотворений и пародирует масскульт, «всю эту литературу», и повествует о тех, кто так и не нашёл ключика от дома, эмигрировал в поисках мечты, теперь тоскует о прежнем.

Буратино не случайно стал очень популярным сегодня персонажем. В конце 2011 г. Андрей Родионов снялся в короткометражном фильме «Полено», режиссера А. Романова, лидера рок-группы «Воскресение», существующей с 1979 г. (одна из их песен написана на стихотворение Родионова «Помнишь дом у обочины...», на что обратила внимание И. Плеханова [9, с. 86]). Папа Карло (Родионов) находит в зимнем лесу полено, считая, что это брошенный младенец. Приносит его домой, купает, пытается накормить, баюкает, а главное – настойчиво учит «сына» говорить слово «папа». Но все тщетно. И тогда Карло не выдерживает: напившись, он рубит полено топором и только тогда слышит заветное «папа». Поскольку перед Карло действительно полено (и об этом ему несколько раз на протяжении фильма говорит здравомыслящий друг Джузеппе), следовательно, убивает Карло что-то в самом себе, наверное, веру в свои силы преодолеть безобразие мира, быть свободным творцом. (Ср. в повести В. Пелевина «День бульдозериста» трудяга

в городе Уран-Батор видит в альбоме «Моя Албания» картину «В поисках внутреннего Буратино»: на ней изображен мужчина, лежащий ничком на бревне).

Родионов принадлежит к поколению, сформировавшемуся еще в доперестроечное время. Из ныне действующих, уверяют социологи, это самое рефлексивное и образованное поколение, но ощущающее себя неустаревающим, с выраженным синдромом раннего разочарования, поколение гамлетов. По принципу дополнительности, эти люди тянутся к дон-кихотам, способным на безоглядную борьбу. Анализируя идеи Р. Барта, Н. С. Скороход, несколько утрируя, пишет, что современный читатель готов увидеть в Дон-Кихоте черты Че Гевары или Фиделя Кастро [13, с. 189]. Но, как и Дон-Кихот, люди 70–80-х гг. плохо понимают, за что готовы бороться и что выйдет из их усилий [12, с. 80–107]. Родионов, подобно Дон-Кихоту, готов увидеть прекрасное в низком (Дульсинею в Альдонсе). Однако только боль заставит бревно заговорить по-человечески. Ю. Степанов [14, с. 811–825], М. Липовецкий [6, с. 125–152], А. Прохоров [10, с. 153–180] показали трикстерскую сущность Буратино – посредника между реальностью и искусством, властью и свободным творчеством. «Оттепельный» Буратино был веселым играющим художником, более живым мальчиком, чем куклой. Но потом происходило постепенное одеревенение: у Т. Толстой в «Кыси» «Буратино» – деревянный памятник Пушкину. Папа Карло у Родионова – запоздалый романтик, дон-кихот, который пытается что-то важное сказать молодым прагматикам, которым нет дела ни до поэзии, ни до Дон-Кихота. В книге стихотворений Умки Буратино остается по-прежнему неформалом, маргиналом, обаятельным и безалаберным трикстером, пусть этот герой 60-х гг. теперь постарел и вроде бы вышел из моды.

Другой вариант (оставшихся «с своим народом») представлен в стихотворениях о пассажирах, едущих куда-то ночью в обледенелом поезде. К символу железной дороги из цикла А. Блока «Родина» отсылает образ паровоза из стихотворения Умки «Наш паровоз, минув вечность...» [16, с. 11], «тоску дорожную, железную» усиливает несколько переакцентированный мотив из лермонтовского стихотворения («Я так люблю ваш бойлер с краником, / И дым спаленного жнивья»). Начальная строка отсылает к знаменитому «Наш паровоз, вперед лети! / В коммуне остановка» – припеву к песне «Паровоз», сочиненной в 1922 г. в железнодорожных мастерских Киева, где работал и Н. А. Островский, автор романа «Как закалялась сталь». Революционный

энтузиазм исчез бесследно, паровоз пришел на станцию Крестцы (где когда-то учительствовал Ф. Сологуб), «влип в бетон», но и это неплохо: «Прощай, дурная бесконечность, / Привет, счастливые концы!», возможно, впереди ждет «пересадка». В другом стихотворении, ближе к концу книги, героиня едет в поезде, где «люди спят вперемежку бегом», едет, чтобы узнать, «как устроена наша планета»:

<...>

*Чтобы то, что, казалось, прошло,
Возвратилось и стало на место
Чтобы стало тепло и светло,
И опять, и опять – интересно* [16, с. 61].

Детская любовь к путешествиям, открытость навстречу миру, ощущение нормальности жизни преобладают в книге над горькими размышлениями об эпохе, о смертности тела, обреченного на разлуку с душой. В детских книгах стихов всегда господствует атмосфера радости и праздника, и в этом отношении книга Умки – детская книга для взрослых, не переставших быть детьми. Но для собственно детского чтения книга не подходит, яркая обложка и иллюстрации не должны вводить в заблуждение.

Веселая «грамматика поэзии»:

книга Михаила Яснова «Чучело-мяучело»

Современная книга детских стихов строится, прежде всего, на речевой игре и «обнажении приема», словно продолжая идею Р. Якобсона об особой, эстетической, функции языка в поэзии. В аннотации к книге сказано: «В “кошачьем сборнике” Михаила Яснова рядом со знаменитым “Чучелом-мяучелом” оказались и другие, менее известные, но не менее очаровательные и смешные кошки, коты-разбойники и любопытные котята. Ведь кошка, после любимой игрушки, – самое близкое для ребенка “звериное” существо, живущее рядом, на расстоянии вытянутой руки». Но дети не только узнают забавные истории про кошек, но и (имплицитно?) знакомятся с законами поэтической формы, ее особым кодом, где язык – не только способ, но и предмет изображения. Каждый ребенок знает мультфильм по сценарию Вл. Аленикова про Чучело-мяучело и песенку И. Космачева, т. е. имеет визуальный и звуковой образ этого симпатичного кота, а вот чтение книги позволит оценить вербальный образ, подумать над сходством и различием образа «героя» в разных видах искусства. Детская поэзия имеет металитературный характер. М. Яснов пишет шуточно-абсурдистские стихи, но при этом моделирует отчетливую структурную форму.

Во-первых, используются разные речевые жанры: дразнилка («Чучело-мяучело»), песенка с рефреном («Песенка про летний

дождь», «Лютики-ромашки»), поучение («Кисуня и Крысуня»), телеграмма («Тянушка и Ириска»), эпистолярный жанр («Пес и Киска (Переписка)»), приветствие («Встреча по-английски»), колыбельная («Колыбельная для Киски»). Разумеется, почти всегда этот жанровый канон остраивается, например:

*Встреча по-английски
Мистер Гавкинс и сэр Рычали
Миссис Мяуни повстречали.
Эту встречу навек запомнили
Сэр Бесхвостли и мистер Хромнили*
[18, с. 24].

Во-вторых, автор наглядно демонстрирует целый ряд приемов (импликатур). Вот, например, подобие хиазма:

Вверху-внизу

*Паук
Ловит мух.*

*Мяук
Ловит пух* [18, с. 4].

Минимальное текстовое пространство позволяет ребенку разглядеть вид стихотворных строк, сгруппированных в две строфы, обнаружить, что две строфы построены абсолютно одинаково, в них совпадает слово «ловит», следовательно, внимание сосредоточивается на словах «паук» и «мяук», «мух» и «пух». Звуки (и буквы) «п» и «м» меняются местами, и паук «превращается» в котенка. При этом отчетливо видна диагональ между словами «паук/пух» и «мух/мяук». Это стихотворение помещено в самом начале книги, а вот ближе к концу встречается хиазм семантический. В стихотворении «Самое доброе слово» в первой строфе мама-тигрица говорит: «Спи, мой теплый котенок!», во второй строфе мама-кошка говорит котенку: «Спи, мой храбрый тигренок!», третья строфа обобщает: «Все мамы на свете / Такие, как эти...» [18, с. 26-27].

Буквенные метатезы создают веселую путаницу в «Песенке про летний дождь»: в первых трех строфах по дороге идут Сослик, Услик, Паукан и Кисаньякая Мокренька, в четвертой – прекращенный повтор, обманутое ожидание: Сослик, Услик, Паукан и Кисаньякая Сухонька (поскольку дождь кончился). Кисуня и Крысуня, герои следующего стихотворения, отличаются по именам составом первых слогов, мягкое *ки-* соответствует лукавому молчанию кошки, а жесткое *кры-* предопределяет скрипучее, занудное поучение крысы. Как показывает финал этой сценки, молчание – золото. В стихотворении «Мы – не вы!» обыгрываются слоги (с –ты рифмуются слова: темноты, вкусноты, у плиты, плотвы) и совпадающие с этими слогами местоимения: «Потому что мы – не вы, / Потому что мы – / Коты!» [18, с. 29].

Некоторые стихотворения показывают условность имени, его знаковый характер. Так, Тянушка и Ириска, героини одноименного стихотворения, синонимичны как сорт конфет, но из сюжета видно, что Тянушка – это тучка, а Ириска – это киска, т. е. в «именах» героинь некоторые буквы лишние, а каких-то не хватает. Имя может образовываться по сходству с характером движений (мышенок – Шмыг), или в соответствии с окраской (кошка: Чернушка, Рыжеспинка, Беляшка...). В стихотворении «Чья работа?» родительный падеж слов «котенкина», «собачкина» (работа) трансформируется в фамилии Котенкин, Собачкин (мальчик приписывает беспорядок проделкам кота или собаки, хотя маме ясно, что это дело не лап, а рук).

Особый интерес представляет игра словами в стихотворении «Мягкая походочка»:

*Мягкая походочка,
Мордочка-бархоточка.
Как дымок
Из трубы,
Хвост поднялся из травы...
Два больших зеленых глаза
Изучают белый свет.
Изучают белый свет –
Излучают
Мир и свет* [18, с. 18].

Описание гуляющего котенка в последних четырех строках переводится в другой, торжественный, регистр. На фоне дважды повторенного слова «изучают» появляется слово «излучают», и становится очевидной разница в значении слов «свет» (т. е. окружающий мир) и «свет» (сияние). А если учесть психологическую семантику зеленого цвета, то «мир» – это спокойствие, покой, порядок и лад. Наверное, можно даже объяснить ребенку, что когда-то слова «мир» как «вселенная, общество» и «мир» как отсутствие войны писались по-разному, позднее это пригодится, хотя бы при изучении романа Л. Н. Толстого, а заодно покажет, что язык исторически изменчив.

Одним из игровых приемов становится реализованная метафора, вернее, возвращение стертой речевой метафоры к прямому, буквальному значению: Тучка-Тянушка шлет Ириске-Киске телеграмму-молнию о том, что скоро будет гроза; Пес возмущенно пишет Киске, что котята безобразничали в его конуре: *играли в кости*, перевернули *вверх дном* его миску.

Заканчивает книгу стихотворение «Кольбельная для Киски». Оно написано в жанре лимерик – короткого стихотворения,

обыгрывающего бессмыслицу. Каноническая форма этого жанра очень ритмична: пятистишия, где первая, вторая и пятая строки длиннее, чем вторая и третья, рифмовка ААВВА. М. Яснов использует 3-стопный и 2-стопный амфибрахий, схема рифмовки соблюдена. Выдержаны и другие признаки лимерика, подробно описанные Е. Клюевым [5]: многочастность, наличие рефрена-повтора, тавтологичные рифмы, причем, подчеркнуто-экзотичное название рифмуется с нарочито «простым» словом, инвариантность номинаций, минимум варьирования.

*Для маленькой Киски в киоске
Купили французские соски,
Чтоб Киска легко
Лакать молоко
Могла научиться из соски.*

*Прислали для Киски с Аляски
Подбитые мехом салазки,
Чтоб Киска зимой
С горы ледяной
Каталась, забравшись в салазки.*

*Прислали из Англии Киске
Бутылочку крепкого виски,
Чтоб Кискина мать
Могла угощать
Гостей в дни рождения Киски.*

*Прислали матрас из Небраски,
Прислали из Индии сказки –
А Кискина мать
не знает, где взять
Хотя бы кусочек колбаски!* [18, с. 32].

Как видим, автор не только смешит или расширяет представление ребенка о стихотворных жанрах, но и противопоставляет, с горькой иронией, изыски английского лимерика нашей повседневности, столь далекой от индийских сказок и прочих зарубежных «брендов».

Подводя итоги, отметим, что современные книги стихов для детей, во-первых, двуадресны, объединяют в процессе чтения детей и взрослых, а во-вторых, полифункциональны: развлекают, поучают, расширяют кругозор, развивают фантазию, рисуют – пусть гротескно, или фантастически, или театрализованно – картину современного общества и его культуры. Задача взрослого – квалифицированного выбрать книгу для определенного детского возраста и умело организовать творческое сотрудничество автора и ребенка в процессе чтения и обсуждения книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояринов Д. Умка: политику нужно просто игнорировать. URL: http://www.colta.ru/articles/music_modern/4167.

2. Горалик Л. Маленький принц и большие ожидания. Новая зрелость в современном западном обществе. URL: http://linorgoralik.com/little_prince.htm.
3. Губайдуллина А. Нить Ариадны // Живые лица. Навигатор по современной отечественной детской литературе. М. : БерИнга, 2014. С. 7-13.
4. Живые лица. Навигатор по современной отечественной детской литературе. М. : БерИнга, 2014.
5. Ключев Е. В. Теория литературы абсурда. URL: http://www.literes.ru/pages/biblio_book/?art=146087.
6. Липовецкий М. Буратино: утопия свободной марионетки // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
7. Моравская М. Апельсиновые корки. М. : Август, 2012.
8. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М. : Новое лит. обозрение, 2005.
9. Плеханова И. И. О витальности новейшей поэзии: Андрей Родионов, Вера Павлова, Мария Степанова, Вера Полозкова. Иркутск: Иркут. ун-т, 2012.
10. Прохоров А. Три Буратино: эволюция советского киногероя // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
11. Семейные узлы: Модели для сборки : сб. ст. : в 2 кн. М. : Новое лит. обозрение, 2004.
12. Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М. : Новое литературное обозрение, 2005.
13. Скороход Н. С. Как инсценировать прозу: Проза на русской сцене: история, теория, практика. – СПб. : Петербургский театральный журнал, 2010.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001.
15. Умка. Интервью // Разговорчики. № 30. 19 июня 2006 г. URL: <http://www.razgovorchiki.ru/arkhiv/umka.htm>.
16. Умка (Аня Герасимова). Стишки для детей и дураков. М. : ОГИ, 2012.
17. Яснов М. Рецензия на книгу М. Моравской «Апельсиновые корки». URL: <http://kidreader.ru/review/1294>.
18. Яснов М. Чучело-мяучело. М. : КомпасГид, 2012.

L I T E R A T U R E

1. Boyarinov D. Umka: politiku nuzhno prosto ignorirovat'. – URL: http://www.colta.ru/articles/music_modern/4167 – 7 avgusta 2014.
2. Goralik L. Malen'kiy prints i bol'shie ozhidaniya. Novaya zrelost' v sovremennom zapadnom ob-shchestve. URL: http://linorgoralik.com/little_prince.htm.
3. Gubaydullina A. Nit' Ariadny. // Zhivye litsa. Navigator po sovremennoy otechestvennoy detskoj literature. M. : BerInga, 2014. S. 7-13.
4. Zhivye litsa. Navigator po sovremennoy otechestvennoy detskoj literature. M. : BerInga, 2014.
5. Klyuev E. V. Teoriya literatury absurda. URL: http://www.literes.ru/pages/biblio_book/?art=146087.
6. Lipovetskiy M. Buratino: utopiya svobodnoy marionetki. // Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
7. Moravskaya M. Apel'sinnye korki. M. : Avgust, 2012.
8. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii. M. : Novoe lit. obozrenie, 2005.
9. Plekhanova I. I. O vital'nosti noveyshey poezii: Andrey Rodionov, Vera Pavlova, Mariya Stepanova, Vera Polozkova. Irkutsk: Irkut. un-t, 2012.
10. Prokhorov A. Tri Buratino: evolyutsiya sovetskogo kinogeroya // Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
11. Semeynye uzly: Modeli dlya sborki : sb. st. : v 2 kn. M. : Novoe lit. obozrenie, 2004.
12. Semenova V. V. Sovremennye kontseptsii i empiricheskie podkhody k ponyatiyu «pokolenie» v sotsiologii // Ottsy i deti. Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
13. Skorokhod N. S. Kak instsenirovat' prozu: Proza na russkoy stsene: istoriya, teoriya, praktika. – SPb. : Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal, 2010.
14. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. M. : Akademicheskii proekt, 2001.
15. Uмка. Interv'yu // Razgovorchiki. № 30. 19 iyunya 2006 g. URL: <http://www.razgovorchiki.ru/arkhiv/umka.htm>.
16. Uмка (Anya Gerasimova). Stishki dlya detey i durakov. M. : OGI, 2012.
17. Yasnov M. Retenziya na knigu M. Moravskoy «Apel'sinnye korki». URL: <http://kidreader.ru/review/1294>.
18. Yasnov M. Chuchelo-myauchelo. M. : KompasGid, 2012.

Статью рекомендует канд. филол. наук, доцент М. Б. Ворошилова.